

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР ПРИБЛИЖАЕТСЯ

ВЕСЬ ДЕНЬ И ВСЮ НОЧЬ ДУЛ СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР. УРАГАН
ПОВАЛИЛ 458 ДЕРЕВЬЕВ И ОДИН ВЕКОВОЙ КЛЕН. ШТОРМ
В ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ ВЗЯЛ ВЫСШИЙ БАЛЛ, ДАМБУ
ЗАКРЫЛИ, КОРАБЕЛЬНЫЙ ФАРВАТЕР НЕ ПРИНИМАЛ СУДА.

НАУТРО ПРОЯСНИЛОСЬ.

В ПЕТЕРБУРГ ПРИИТЕЛИ ЖЕНЩИНЫ СЕВЕРНОГО КЛАНА
РЕНАТА ЛИТВИНОВА И УЛЬЯНА ДОБРОВСКАЯ, ЧТОБЫ
ПЕРЕД ТЕМ, КАК МОРЕ СКУЕТ ЛЕД, А ЛЕГЕНДАРНЫЙ
КРОНШТАДТСКИЙ ФОРТ «КРОНШЛОТ» УИДЕТ НА
РЕСТАВРАЦИЮ, ВЗОЙТИ НА БАТИНЬОЛЬСКИЙ МАЯК
И ОГЛЯДЕТЬ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ПОЛЯ.

Текст: КСЕНИЯ ГОЩИЦКАЯ

Фото: АБДУЛА АРТУЕВ

Идея: ЯНА МИЛОРАДОВСКАЯ

Дрон: МИХАИЛ ПОМОРЦЕВ

Визаж: ЕВГЕНИЯ ЛЕНЦ

Прическа: ЮЛИЯ ROYTEAM

Стиль: ЭЛЬМИРА ТУЛЕБАЕВА

Ассистент стилиста: ЕЛИЗАВЕТА КОЛЬМИНА

Благодарим Светлану Сергееву,
директора по внешним коммуникациям АНО «Остров фортов»,
за помощь в организации и проведении съемки.

Премьера фильма «СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР» — 26 ноября.

Режиссер и сценарист: РЕНАТА ЛИТВИНОВА.

В ролях: РЕНАТА ЛИТВИНОВА, УЛЬЯНА ДОБРОВСКАЯ,
СОФЬЯ ЭРНСТ, СВЕТЛАНА ХОДЧЕНКОВА, ТАТЬЯНА ПИЛЕЦКАЯ,
ГАЛИНА ТЮНИНА, ХИБЛА ГЕРЗМАВА, МАНАНА ТОТИБАДЗЕ.

Композитор: ЗЕМФИРА

На Ульяне: плащ Bottega Veneta,
бадлон Dries Van Noten,
сапоги Balenciaga;
на Ренате: плащ Bottega Veneta,
бадлон Dries Van Noten,
сапоги Balenciaga

На Ульяне: комбинезон **Giuseppe di Morabito**

С Ульяной Добровской, кинодебютанткой сезона и студенткой факультета моды Королевской академии изящных искусств (да, той самой, где образовалась культовая «антверпенская шестерка»), поговорил ее товарищ, человек тяжелого арта, диджей Кирилл Шاپовалов. О чем? Обо всем. И о любви? И о любви.

В «СЕВЕРНОМ ВЕТРЕ» ТЫ СЫГРАЛА СВОЮ ПЕРВУЮ БОЛЬШУЮ РОЛЬ — ПЛАНИРУЕШЬ ПРОДОЛЖАТЬ АКТЕРСКУЮ КАРЬЕРУ?

Не знаю! Мне очень понравилось сниматься у мамы в фильме, до этого я тоже играла небольшие роли. Это был суперэкспириенс, но пока что больше мне нравится мода. Я чувствую, что дальше смогу развиваться в этом направлении. Но и не закрываю для себя возможность быть актрисой, мне кажется, сейчас такое классное время, когда ты можешь заниматься разными вещами. Ведь нет такого, что я подписываю договор о том, что буду только дизайнером!

ПОЧЕМУ ИМЕННО МОДА?
До какого-то момента я вообще не понимала, чем хочу заниматься, но всегда знала, что пойду в творческую профессию, особенно после художественной школы. Я пыталась осознать, от чего я буду получать кайф, что

не станет для меня обязателькой. В какой-то момент я не представляла для себя другого пути, чем поступать на актерский, а потом переехала в Париж учиться в школе. Тамoshняя учительница по рисованию очень в меня поверила, именно благодаря ей я осознала, что у меня есть способности. В шестнадцать я отправилась в Лондон изучать искусство и текстиль и поняла, что получаю удовольствие от того, что просыпаюсь утром и думаю о проектах, которые я начала, о том, как придти в студию, включу музыку, начну рисовать. Вот так я определила, что мой потенциальный карьерный рост возможен в индустрии моды. Я планирую закончить университет по специальности «дизайнер», поработать лет пять стажером, а потом открыть свой бренд. Но я не исключаю, что мне захочется учиться еще чему-то или я получу классную работу в одной из моих любимых марок, а может, стану художником по костюмам в кино. Я ишу себя.

ЧЕМ В НАШИ ДНИ ОСЛОЖНЯЮТСЯ ПОИСКИ СЕБЯ?

Мы перегружены информацией. Из-за этого сложно сконцентрироваться и понять, а что ты на самом деле хочешь. Все кажется ложнодоступным. В свои шестнадцать я была полностью растеряна. Нужно пробовать, пробовать и пробовать все подряд. Только так можно узнать, что по-настоящему тебя трогает. Я считаю, что профессия может и должна доставлять удовольствие.

КАК ТЫ ОКАЗАЛАСЬ В КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ? К СЧАСТЬЮ — ВЕДЬ МЫ С ТОБОЙ ПОЗНАКОМИЛИСЬ ИМЕННО В АНТВЕРПЕНСКОМ КЛУБЕ, ГДЕ Я ИГРАЛ СВОЙ ДИДЖЕЙ-СЕТ.

Я искала, где лучше всего преподают моду, и была уверена, что буду учиться в нью-йоркской школе дизайнера Парсонс: Королевская академия казалась мне слишком крутой! И когда меня приняли, я была в полном шоке. Я приехала просто попробовать — и это было очень стрессово. На экзамен стояла очередь из восьмиста человек, все знали, что возьмут только пятьдесят. Все были наряжены — показушно модные, а я в трениках и пиджаке, который когда-то себе сшила бабушка. Мне

На Ульяне: плащ Bottega Veneta, платье Alexander McQueen, очки Balenciaga; на Ренате: очки Dior, бадлон Dsquared2, кейп Viva Vox

кажется, меня взяли из-за интервью. Я даже спросила комиссию: «Вы думаете, ничего, что я плохо шью?», а мне ответили: «Мы тебя научим». У нас была куча заданий: преобразовать манекены с одеждой, рисовать, перед вторым туром я сидела над эскизами всю ночь с батареей банок энергетика, выкладывалась по полной — и это сработало!

Почему ты захотела получить высшее образование именно за границей?

Мне больше подходит их система обучения. Например, у нас нет лекций по дизайну: перед нами ставят задачу, и мы сами должны прийти к ее решению, поэтому работы всех выпускников совершенно разные. У каждого вырабатываются свои методы. Нас не учат по шаблону, каждый должен научиться самовыражаться.

Тренды на ответственное потребление и апсайклинг включены в твой образовательный курс?

Я работала с апсайклингом, использовала предметы, у которых иное первичное назначение, делала текстильные работы, которые включают, например, разрезанные майки. Да, слишком много всего производится и слишком мало используется. Конечно же, будущее за ответственным потреблением. Мне нравится, как работает с этой темой мой петербургский друг Даниил Шульгин, один из основателей бренда Stenosis. Они перешивают винтажную одежду, каждый предмет существует в единственном экземпляре. Я думаю, многие к этому придут.

Кто твои авторитеты?

Самый большой — Демна Гвасалия. Он всего добился сам — и это гигантские высоты. Меня это вдохновляет, хотя у меня далеко не такой сложный жизненный путь, мне родители уже очень сильно помогли. И моя мама для меня авторитет. Она сама поступила во ВГИК и вообще всего добилась сама. У нее потрясающая работоспособность. И в своей сфере я бы тоже хотела добиться максимума.

Какowo это — быть дочерью Ренаты Литвиновой?

Если честно, это классно! (*Смеется.*) Сначала меня бесило, что мне постоянно задают вопросы про маму. Когда я училась в Москве и даже во Франции — все бесконечно спрашивали. А сейчас я понимаю, как это круто! Я ею очень горжусь, она суперклассная. Но я понимаю, что мне тоже что-то нужно сделать. На меня никто никогда не давил, родители всегда хотели, чтобы я была просто счастлива — за это я им очень благодарна.

Ты стала много появляться в медиа — это накладывает на тебя какие-то внутренние ограничения?

Да. К известности прилагается гигантская ответственность. Ты должен следить за каждым своим шагом и словом. В принципе, это правильно: когда ты становишься публичным человеком, ты подписываешь контракт сам с собой. Конечно, нужно оставаться собой, но не переходить границы простой этики. Стараться не обижать людей. Я выросла в среде, где все было медийным, поэтому для меня нормально, что сейчас любая информация распространяется мгновенно.

Ощущаешь себя свободным человеком?

Я считаю себя очень свободным человеком. Я бесконечно благодарна родителям за то, что они мне финансово помогают, пока я ищу профессию и себя. Понимаю, что далеко не у всех есть такая возможность. А если говорить глобально, то чем больше люди отстаивают свои права на свободу, тем меньше ее становится. Мне хочется, чтобы было меньше мейнстрима, чтобы все были разные и чтобы своей разностью гордились. Везде пишут: будь собой, не притворяйся. Но многие заперты в своей раковине, стараются быть как все, не выделяться.

В России вообще-то может быть опасно выделяться.

Я не говорю про Россию, я говорю про весь мир. Чем больше декларируют «мы не такие», тем более все одинаковые. Мы живем в век, когда все стремятся к максимальной свободе, но одновременно закладывают себя в рамки. Это могут быть и позитивные рамки, например, политкорректности. Мы сейчас намного больше стали беспокоиться о ближнем и о том, чтобы не задеть ничьи чувства. Даже в модных домах появилась должность специалиста по культурной апроприации.

Что увлекает тебя сейчас больше всего?

Мои перспективы. Я через неделю вернусь в Антверпен и жду-не дождусь, когда начну свои проекты. Я соскучилась по школе, по работе, у меня столько идей!

Что для тебя по-настоящему красиво?

Индивидуальность. Неидеальность. Отсутствие шаблонов. Странность. Настоящность.

А что ты считаешь уродливым?

Злость. Притворство. Нечестность.

Что тебе помогает настроиться на внутреннюю работу?

Гармония с самой собой. Когда я в плохом настроении, я не могу творить.

Ощущаешь ли ты себя способной сделать мир лучше?

Я постараюсь привнести в него что-то красивое.

Я знаю, что тебе нравится аниме!

Да, немного рисую в этом стиле: большие глаза, лица. Это такое аниме через мой фильтр.

Ты когда-нибудь влюблялась?

Никогда по-настоящему. У меня было много увлечений, но я всегда понимала, что это не то. Я бы очень хотела найти свою первую любовь, мне кажется, это поможет и в жизни, и в работе. Сколько я читала из романов, сколько слышала от друзей — как она окрыляет, вдохновляет.

Есть ли какой-то типаж, который тебе нравится?

Самое офигенное — это чувство юмора, харизма. Если человек безумно красивый, но двух слов связать не может, я не думаю, что он сможет меня заинтересовать. Доброта тоже очень важна. И еще терпеть не могу неискренних людей.

Как ты относишься к ЛГБТ-сообществу?

У меня много друзей нетрадиционной ориентации, и я поддерживаю комьюнити. Я не понимаю, почему кто-то нам может говорить, кого мы можем любить, а кого нет. Для меня эти запреты — абсолютный абсурд.

Веришь ли ты в партнерские отношения в работе с друзьями?

Сложный вопрос. Нужно найти человека, которому ты максимально доверяешь, который никогда тебя не подведет и у вас будет один подход к работе — как инь и ян. Очень легко поспорить на этой теме. Всегда по человеческой натуре один хочет быть выше другого. Но конечно, партнерские отношения — это хорошо, ведь два мозга лучше, чем один.

Семья или карьера?

Мне кажется, если меня поставят перед таким выбором, то я пойму, что ошиблась, — мой человек такого не спросит. Это абсолютно устаревший менталитет. Я не могу представить себя без работы. Мне нужно что-то делать, я не могла бы просто сидеть дома и варить супы. Это абсолютно не мое, мне кажется, у меня началась бы депрессия. Я получаю эндорфины от работы!

На Ульяне: плащ **Bottega Veneta**, бадлон **Dries Van Noten**, сапоги **Balenciaga**;
на Ренате: плащ **Bottega Veneta**, бадлон **Dries Van Noten**, сапоги **Balenciaga**

Как сохранить экосистему собственной планеты и о пользе воображения — разговор с Ренатой Литвиновой, директор отдела моды Ксения Гощицкая начала на балтийском ветру где-то в водах Кронштадта, а продолжила в коридорах МХТ им. Чехова.

КАК ХУДОЖНИК, А ЗНАЧИТ, ЧЕЛОВЕК С ОБОСТРЕННЫМ ВОСПРИЯТИЕМ МИРА, ВЫ ПРЕДЧУВСТВУЕТЕ МНОГИЕ ПЕРЕМЕНЫ И ТЕКТОНИЧЕСКИЕ СДВИГИ ОБЩЕСТВА НАМНОГО РАНЬШЕ, ПУСТЬ ДАЖЕ И БЕЗОТЧЕТНО. ПО СВОИМ ФИЛЬМАМ ВЫ ЭТО ЗАМЕЧАЕТЕ?

Некая гордыня есть в том, чтобы полагать, что ты сам что-то придумал — художник, в первую очередь, является проводником. Поэтому я ничего глобального не предчувствую, если я что-то и угадываю, то это просто транслируется через меня. Хотя телепатические штуки со мной происходят. Я могу, например, поймать мысль человека, уловить песню, которую вы напеваете про себя, угадываю коды, пароли. Могу иногда даже предсказать, что случится, но бывает, скажу что-то, а потом думаю: лучше бы молчала! Ведь сбывается.

ВЫ ЧТО-ТО ДЕЛАЕТЕ, ЧТОБЫ ПОВЫСИТЬ ПРОВОДИМОСТЬ, ЕЩЕ БОЛЬШЕ РАЗОГНАТЬСЯ ДО СОСТОЯНИЯ ПОТОКА?

Нет, точно не во время съемок. Там уже поздно разгоняться: ты должен быть внятный, трезвый. Мне вот что обязательно хочется сказать: если можешь не снимать кино — не снимай, если можешь не писать — не пиши. Столько сейчас развелось графоманов и ремесленников, которым, в общем-то, не стоило бы высказываться. Я ведь достаточно редко снимаю кино, для меня это душераздирающе. Процесс появления фильма — это шаманство какое-то, словами это сложно описать: ты раскачиваешься, раскачиваешься, раскачиваешься и в этих колебаниях вдруг угадываются очертания и рождается тело фильма. Невозможно сформулировать точнее, как и любое колдовство. Я говорю «тело», потому что фильм — живая материя. В МХТ, например, идет мой спектакль «Северный ветер», но фильм получился совершенно другим. Театр — удивительно конкретный жанр, а кино — абсолютная мистика, волшебство, сон. Я понимаю, что есть и конкретные фильмы, но у меня кино связано со всем каким-то таким, что в колебаниях вдруг начинает загустевать и превращаться в тело. И оно начинает само монтироваться, вырезать каких-то героев, диктует свои правила. Из тонны материала отрезают всю лишнюю материю, лишние линии, лишних персонажей. И ты понимаешь, что какая-то нить бусинами нанизывается и превращается в кольцо. Вот это и есть сюжет. Причем есть у него достаточно

внятные принципы. Я обязательно вырезаю энергетические провалы. Меня, конечно, артисты за это терпеть не могут. Я всегда славилась тем, что у меня вылетают сцены, даже целиком роли. Но мне важнее обслужить фильм, чем актера, — ничего личного, никаких злых намерений. В «Северном ветре» у меня была задача уложиться именно в два часа, не больше и не меньше — я считаю этот хронометраж золотым сечением. Все мои любимые фильмы длятся именно два часа.

ДВА ЧАСА — ЭТО НЕ СЛИШКОМ СЕРЬЕЗНОЕ ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ЭПОХИ ТИКТОК’А?

Короткие форматы востребованы только в определенных ситуациях быстрого контента. Обратите внимание, в сети смотрят длинные интересные интервью, сериалы, причем такие, чтобы ты лег — и пятнадцать серий не встал! В крайнем случае сбежал на кухню, что-нибудь там погрызть — и снова к экрану. Я вообще думаю, под сериалы можно было бы изобрести специальную еду. Сейчас такие времена, что мир грез необходим, поэтому не останемся мы без работы.

С ИДЕЕЙ ВРЕМЕНИ У ВАС ВООБЩЕ МНОГОЕ СВЯЗАНО.

Да, и в фильме у клана «Северного ветра» в сутках есть дополнительный час, в который ты сильнее всего, сильнее всех обстоятельств. У каждого человека свой смысл жизни. В моей версии он заключается в том, чтобы встретить любовь, дождаться ее. Без любви все теряет смысл, начинает гнить, портиться, начинается хаос, разражаются войны. Человек не влюбленный, не любящий — бессмысленен. Он не знает, ради чего ему жить. Еще ничего, если ты никем не любим, но вот если ты никого не любишь, то жизнь твоя совершенно напрасна. Все меркнет. В любви есть какая-то бешеная мотивация, хочется все время мечтать: «А как будет, когда мы встретимся?» Я иногда сижу в кресле, меня

зовут: «Рената!», — а я зависаю. В детстве я часто ложилась спать с настроением: «Сейчас я буду мечтать!»

Это потому, что в мечтании каждый становится творцом?

Я считаю, что самая недооцененная способность человека — это способность мечтать, способность вообразить себе. И все сбывается! Чего же люди к этому так странно относятся? Пожалуйста, мечтайте — и все придет. Иногда, конечно, может затянуться, но придет. Я вам честно говорю. Надо просто уделить этому время.

Вы знакомы с концепцией марафонов желаний?

Я знаю многих, кто занимается всяческой эзотерикой, слушает без конца какие-то лекции, посыпает себя какой-то серебряной пыльцой. И мне говорят: «Я буду стоять рядом с тобой и накрою тебя серебряной пыльцой!» Я всегда на такое отвечаю: «Хорошо!» Это же прелесть!

Ваши мечты сбылись?

У меня очень медленная планета, понимаете? К некоторым успех приходит рано, как к Земфире, нашему выдающемуся и бессменному композитору: в 23 года она стала звездой. А ко мне — постепенно-постепенно, даже никак не может вскружить голову. У меня, видите, медленное пришествие какое-то. Я и сейчас Фома неверующий, мне кажется, еще ничего не случилось, все впереди. Как будто каждый день — новое начало. Я вообще обожаю все перечеркивать и начинать с нуля. Некоторые люди очень этого опасаются, а я обожаю бросаться в неизвестности. Прямо просто кошмар, иногда даже специально себя провоцирую. Раз — и поменять жизнь радикально. Если бы мне в двадцать кто-то сказал, как резко я буду все менять, я бы не поверила. Я в себе открыла такие люфты!

Есть ощущение, что вместе с обнулением вы себя все время переизобретаете.

Да, у меня нет ничего постоянного. Я чувствую себя такой же незащищенной, как в восемнадцать лет, когда открываешь холодильник, а там два с половиной кусочка лежит, денег нет, а планов — громадьё. Я обожаю это ощущение. Не надо бояться идти в неизвестность. Никто не даст тебе гарантий, никакие счета в банках не панацея, даже излишняя горечь, когда их слишком много. Деньгами вообще лучше не дорожить. Я не боюсь разорений, я все время нахожусь на каких-то странных рельсах, когда бах! — все могу утратить и стоять ждать следующего поезда. Я вам открою секрет вечной молодости: все время начинать заново, быть в поиске сохранения любви, оставаться таким в этом смысле неуспокоенным.

Представим вас как планету! Мы, астрономы, видим: на вашей орбите счастливо существуют и другие гигантские планеты — и вы не просто не сталкиваетесь, но и плодотворно, счастливо с ними взаимодействуете. Получается, вы совсем не эгоцентрик?

Это стоит спросить у моих соратников. Но мне кажется, что нет: я не могу к себе серьезно относиться, а эгоцентрики, как правило, на себе заиклены. Со мной действует такой закон: чем человек сложнее, тем это более мой человек. Мне это говорили про Киру Муратову, про Нонну Мордюкову, про Питера Гринуэя, про Рустама Хамдамова, да и про Земфиру, конечно же. Я всегда даю простор рядом с собой, наверное, это такая моя способность, дополнительный бонус-трек, как я это называю.

Как при всем этом вы сохраняете цельность и экосистему собственной планеты?

Мне кажется, себя невозможно потерять: ты либо есть, либо нет. Иногда я утрачиваю проекты, потому что всегда выделяю приоритет. Я не могу размагничиваться на многое, мне нужно концентрироваться на главном.Так же и с людьми. Я общаюсь только на обмене, а не в одни ворота, не могу поддерживать отношения, если их ничего не склеивает. И на структуре мира, основанной на взаимном обмене, я настаивала всегда. Терпеть не могу людей, которые как голодные чайки налетают: «Дай-дай-дай-дай!» — они вызывают у меня глубокую безглизливость. Только брать, потреблять — адски несправедливо, это глупое устройство и когда-то такие люди будут наказаны. Я убеждена, что любимым порывом, любимым творчеством нужно делиться с любимым человеком.

Дочери Ульяне вы тоже давали простор?

Надо сказать, Ульяна — достаточно деспотичная дама, приходилось с ней договариваться. С детьми главное — вовремя их от себя отправить и чтобы они ни в коем случае не пользовались благами. Когда она была маленькой, то у меня прямо была потребность быть рядом, я могла все кинуть и мчаться к ней. У меня было расписание, пока она росла, я, например, не играла в театре по выходным, чтобы проводить вместе время. Как говорится, забирала девочку из продленки. С одиннадцати лет Ульяна живет самостоятельно по границам — приняла такой удар чужбины. Теперь зато очень хорошо говорит на трех языках, а остальными овладевает. Она, конечно, сейчас говорит, что сначала приплакивала, но потом очень быстро расположилась. «Забери меня отсюда!» — никогда не было. Но я летала к ней почти каждые выходные. А к детям из Японии родители вообще не приезжают, представляете? Я даже предложила ее одноклассницу позвать к нам на выходные: девочка от отчаяния так билась головой об стены, что прямо до крови разбивала себе лоб.

Вы вступили на территорию профессии режиссера от того, что вас драматически некому больше снимать?

А зачем мне у кого-то сниматься, если я сама себе могу придумать роли, которые мне нужны. Конечно, встреча со своим режиссером — большое счастье. Я снималась и у Питера Гринуэя, и у Йоса Стеллинга.

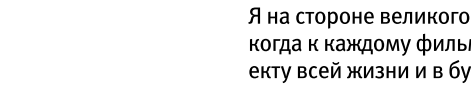

Совпасть — очень важно: больше нет Киры Георгиевны Муратовой, Алексея Октябриновича Балабанова и мне теперь не хочется ни от кого быть зависимой. Когда работаешь над собственным проектом, то чем больше себе забираешь разных профессий, тем больше он получается твоим продуктом. Мне еще осталось побыть оператором, но тут уже не порвешься. Вы вспомните замечательных выдающихся моих любимых Орсона Уэллса, Чарли Чаплина — они всё делали сами: писали сценарии, снимали, играли, Чаплин даже композитором был. Трюффо прямо на площадке все придумывал — выдающееся было время. Сейчас же ты должен нарисовать весь фильм от и до. Но кино — такой удивительный странный жанр, что все равно надо давать свободу. До экспромтов, конечно, не доходит: съемки — это адски дорого! Конечно же, я хочу все контролировать. Мне нравится придумывать свой мир и воплощать его. Я Киру — она вообще не выпивала — все время спрашивала: «Боже мой, из чего же вы извлекаете удовольствие?» А она отвечала: «Самое большое мое удовольствие — это снимать кино». Вот и для меня это наивысшая радость. Любить и воплощать свой мир — большего счастья и не может быть.

Мне кажется или вы избежали попадания в раздел «женского взгляда»?

Если про кино говорят, что оно женское, то это значит, ты что-то не дотянула. В моем воображении существует одно разделение — на талантливое и неталантливое. Факт в том, что кино — абсолютно мужская профессия, которая уже присвоена женщинами. Это тяжелый труд из тех, что подразумевают отказ от личной жизни, концентрацию на творчестве. Есть счастливые творческие профессии, где ты можешь все сочетать: и семью, и профессию, но в режиссуре у тебя нет рабочего дня, ты включен в процесс двадцать четыре часа в сутки и только ему принадлежишь. Так что в этом смысле, видите, я совершенно бросовая жена.

Раньше вокруг священных чудовищ кинематографа был настоящий культ. Сейчас в сфере производства визуального контента достаточно людей без профильного образования. Как вы считаете, может, это полезно?

Я на стороне великого стиля, великого кино, когда к каждому фильму относились как к проекту всей жизни и в буквальном смысле за него могли умереть. И как раз на эту тему я сейчас ставлю новый спектакль в МХТ по моей пьесе «Звезда вашего периода»: оду уходящей эпохе в истории про забытую кинодиву. Премьера, я надеюсь, состоится в феврале. При этом я так давно нахожусь в ожидании вот этих нераскрытых гениев, потому что это место до сих пор вакантно, нет никакой новой и очевидной священной коровы. Должны быть новые герои, новые лица, какая-то новая манера существования. Но пока все, что я вижу, — плохо говорящие, невоспитанные, с нечленораздельной речью, еле образованные кадры, устремившиеся в актерскую профессию. Некого снимать. Пусть хлынут! Но без толщи знаний ты не можешь пестрить хорошими картинами. Все-таки твое кино — это твоя концепция. Помню, мы как-то сидим с Кирой Георгиевной, смотрим фильм, и она вскрикивает: «Что такое! Я не могу различить, где начинается реклама супа, а где заканчивается фильм!» В кино столько стало полухалтурщиков.

Сейчас вам интереснее снимать или сниматься?

Я тут нашла рецензию на «Три истории»: «сексуально озабоченная, пришептывающая, маниакальная, с ужимками актриса, со своей этой безумной Кирой Муратовой обе отцепенки». Я вообще не планировала играть в «Северном ветре». У меня были переговоры с Изабель Юппер, которую я планировала на главную роль. Ей очень понравился сценарий, но не получилось технически: слишком много съемочных дней нужно было провести на территории России. Я надеюсь, что мы обязательно еще поработаем — она совершенно гениальная актриса. Поэтому мне пришлось играть самой, но это еще больше собрало все эпизоды. Я назначала роли главнее, но не выходило. Все равно я своим странным этим клеём склеиваю картину.

И фильм стал более личным?

Да, получился такой концентрат. Когда я выпускала свой фильм «Последняя сказка Риты», то мне пришлось основать кинокомпанию. И я назвала ее «Запределье». Полная дурка! В творчестве у меня есть девиз, который я могу всем пожелать: маловато безумия! Надо больше!

Не все его себе позволяют?

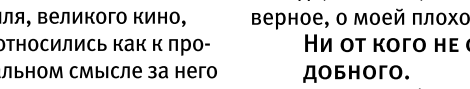
Нет, это уж кому сколько дадено. Но люди слишком много занимаются самоцензурой. Если у тебя зажата голова, надо ее раз! — и освободить. Парадокс в том, что, несмотря на все декларирующиеся свободы, с каждым годом человек становится все несвободнее, все больше оков.

Ваш мир хрупкий? Вы как будто и правда посыпаны серебряной пыльцой.

Между прочим, как бы он ни был хрустален, он ужасно силен. Вы не думайте, что его легко разрушить. Он прямо существует, и у него есть своя сила и защита. Магические!

А вы хрупкая?

Я очень внятная. Кто со мной знаком поближе, понимают, где я, а где образ. Я абсолютно рабочий человек. И у меня почти все на интуиции. Как вы думаете, умею ли я понравиться?

Я в этом абсолютно уверена. Иногда, конечно, я могу... Вы слышаны, наверное, о моей плохой репутации?

Ни от кого не слышала ничего подобного.

Со мной может быть очень сложно, я дико требовательная. Я вот иногда слышу, что меня прямо опасаются. У меня есть нетерпение.

Если я понимаю, что зря где-то оказалась, что это ошибка или что-то меня не устраивает, я не могу ничего с собой сделать — ухожу. Не трачу время.

По-моему, это подарок — не тратить ничье время на плохой результат.

Кстати, люди не всегда понимают, что это действительно подарок.

Как вы ощущаете ветер перемен: новую этику, правила расового разнообразия «Оскара», феминизм, права ЛГБТ, ответственное потребление?

Моя мама меня призывает к ответственному потреблению и экологии, все время говорит мне: «Почему столько электричества жжется в квартире? Льется вода все время, что ты там стираешь так долго?» На «Северном ветре», кстати, работала самая что ни на есть интернациональная съемочная группа: грузины, осетины, Земфира пройдет по линии башкирской, а два персонажа в фильме — представители сексуальных меньшинств. Как раз по новым правилам «Оскара» все соблюдено. А моя героиня вполне феминистка! И я все время настаиваю, что это фильм про матриархат, скрытый, с которым никто не хочет соглашаться, но он царит.

Это то, о чем я говорила: художник предвосхищает события и снимает фильм по новым правилам задолго до появления этих правил.

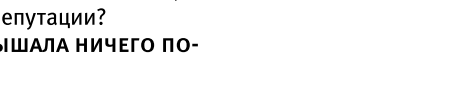
Ульяна, кстати, считает, что новые правила «Оскара» — это круто. А в нашей стране большим сдвигом было бы уже то, что у нас бы приняли тот факт, что существуют иные люди. У меня в фильме есть героиня Ада, которая влюбляется в женщину и наказана за это. Она пытается отстоять свое счастье и не может. У нас очень женская страна, мужчины — как бы они ни давили — ничего не решают. Здесь правят женщины. Я называю эту территорию Северными полями — но это моя версия.

В фильме царит матриархат, а в России этот матриархат кривенький. И растут дети от манипулирующих женщин, и плодится нелюбовь. Ваш дипломный сценарий во ВГИКе ведь так и назывался — «Нелюбовь».

Да, я писала его как диплом, но мне им не разрешили защититься. Такого слова в принципе тогда не было ни в каких словарях, ни в речевом употреблении. Я удивилась, когда узнала, что Андрей Звягинцев так назвал свой фильм.

Сама идея любви изменилась за это время?

Говорят, что люди сейчас вообще живут без секса. С одной стороны, он до такой степени стал доступен, что перестал интриговать, а с другой — все стали настолько сами по себе, что не хотят иметь с кем-то отношения. При этом они могут заниматься сексом с самим собой или каким-то интернет-поиском. Это все дико интимно. А если встречают живого человека, то вдруг боятся. Для того чтобы пойти навстречу,

нужна смелость. Наверное, в наше время должна быть какая-то упрощенная схема, по которой можно было бы действовать. Люди нуждаются в каких-то тактильных ощущениях. Они настолько несчастны, если избегают этого. Происходит преумножение несчастных людей, потому что они для себя придумали какие-то другие ценности. Даже те, для кого одиночество — это концепция, нуждаются в любви. Настоящую любовь нельзя ни с чем перепутать, если ты ее встретишь. Невозможно не узнать. Многие, кстати, не встречают.

Вам ближе аполлоническое или дионисийское?

Я бы хотела не ограничивать себя и во все воды войти.

Сначала вы открыли мир театра Георгию Рубчинскому, дав его творчеству новое измерение — костюмы для спектакля МХТ «Северный ветер» вывели его из башни авангардного фэшна.

Не факт, что он с этим бы согласился.

А теперь стали феей-крестной для Демны Гвасалия — специально для «Северного ветра» он сшил просто потрясающие костюмы.

Я посмотрела трейлер нового фильма Педро Альмодовара «Человеческий голос» — а там Тильда Суинтон в платьях Balenciaga. Я ему говорю: «Демна!!! Это же Альмодовар!!! Почему ты мне не сказал?!» А он: «Ой, а я забыл! Я же не специально их шил, они из последней коллекции бренда». Вот такой удивительный скромный человек. И его костюмы настолько потрясающие кинематографичны, что просто вросли в канву фильма. Они абсолютно совпадают с моей героиней. Это уровень, к которому нужно стремиться всем художникам по костюмам. Он прекрасен знает русское кино, фанат Цоя, Земфиры. Мы с ним говорили про то, что нас объединяет: конечно же, нас объединяет русский язык. То, что мы говорим на одном языке. У нас одинаковый менталитет: мы все оттуда, из чего-то советского, из чего-то страшно неблагополучного. Мы все оттуда выросли и стали сильными. Мы закалились и вышли оттуда, знаете, неуязвимыми. Демна уникален — такими были Кристобал Баленсиага, Коко Шанель — он произвел революцию и создал свой визуальный код. Выдающийся человек и человек слова: если он что-то обещает, то делает это железобетонно. Это поразительное качество подлинно состоявшихся людей. Кстати, Земфира такая же. Если обещает — умрет, но напишет музыку. Никогда не подведет. К «Северному ветру» она создала совершенно выдающийся саундтрек. В нем есть такая песня, ради которой я придумала сцену. И она держит! Я могу открыть вам тайну, я даже хотела назвать картину «Злой человек», так поется в заглавной песне: «Я злой человек, я твой человек». Но Земфира сказала, что такое название слишком узко для этой картины. Но удивительная расшифровка нашего времени именно в том, что «я злой человек, но я твой человек». Принятие. Я это так чувствую.

На Ульяне: боди **Gucci**, комбинезон **Giuseppe Di Morabito**

На Ренате: бадлон **Bottega Veneta**, платье **Alexander McQueen**;
на Ульяне: платье **Isabel Marant**, цепь **Bottega Veneta**

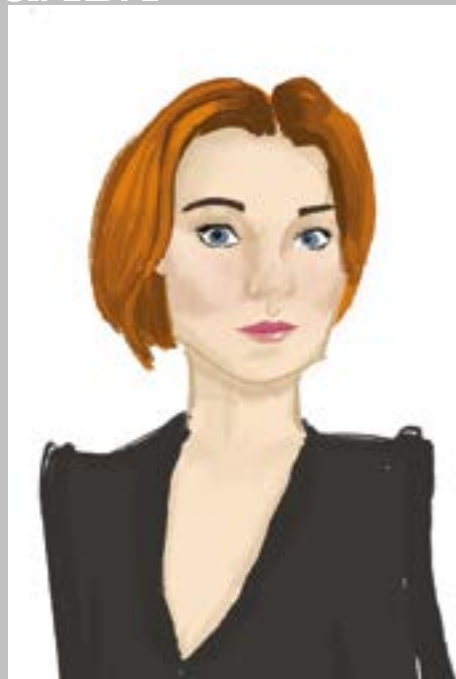

И тут выхожу я
весь в белом

Мы все хотим быть хорошими! Как бренды торгуют «белыми пальто», строят на этом маркетинговые кампании и почему новая этика далеко не всегда этична, горячо обсуждают правдоруб, борец за справедливость, экс — директор моды глянцевого издания, создатель ювелирного дома Anima Михаил Барышников и маркетолог Наталья Филатова — Киетине, автор образовательных программ и телеграм — канала «Люди гибнут за PR».

РИСУНКИ: МАРИЯ ПЕТРОВСКАЯ

Я не верю людям, которые
каждый день находят повестку,
чтобы про нее написать.

Наталья: У меня недавно был неожиданный опыт: я оценивала рекламные акции региональных ювелирных сетей. И меня потрясло то, что из десяти отобранных реклам только одна говорила о продукте, остальные заманивали на скидки и акции. Этот локальный пример отражает глобальную историю, только большие бренды упаковывают стратегию не в формат скидок, а в декларации новой этики, социальных расширений и прочих манифестов.

Михаил: Я давно наблюдаю, как марки марки перешли от создания продукта к формированию социальной позиции, строят не сильный дизайн или сильный бренд, а комьюнити, которое будет за счет своей лояльности подпитывать марку деньгами. Мне это кажется не совсем честным подходом. Я бы даже сказал, способом зарабатывания денег на людях наивных. Я только что увидел новую рекламную кампанию Moschino, для которой сняли афроамериканскую трансгендерную женщину с ДЦП. Мне кажется, это почти абсурд. Совсем недавно мы иронизировали над тем, что теперь получить премию на кинофестивале можно, сняв фильм про больного СПИДом гея, афроамериканца из многодетной семьи, которого в детстве изнасиловал отец. Тем, кто использует подобные образы в своем продвижении, абсолютно безразличны проблемы этих людей, им важно здесь и сейчас получать прибыль. Просто социалку гораздо легче продавать. Есть один русский бренд украшений, торчащий буквально из каждого социального отверстия: случился скандал с ЛГБТ, они тут же отработали, случился #blacklivesmatter — они с черным квадратом и подходящим к нему кольцом. Каждый социальный повод очень точно механически прорабатывается. При этом поводов стало так много, что я уже не понимаю — это бренд или фонд-многостаночник? Может, я циничный человек, но я не верю людям, которые каждый день находят повестку, чтобы про нее написать, создать создать к этому нечто и 10% от прибыли с продажи одного, отдать в помощь куда-то. К модному бизнесу это не имеет никакого отношения — чистый маркетинг.

Наталья: Неужели никакая социальная инициатива не кажется тебе искренней?

Михаил: Такие инициативы есть. Например, после взрыва в Бейруте бренд Repossi выпустил одно из своих знаковых колец в цвете национального флага и всю сумму от продажи перечисляет в ливанский Красный Крест. Ключевое слово — «всю». Моя позиция достаточно радикальная: я считаю, что благотворительность должна быть либо анонимной, либо все сто процентов прибыли вы отдаете на конкретное дело. Все эти «перечислим три процента» — пиар. Ты звонишь

в магазин, который перечисляет 10% от продажи конкретного украшения в фонд помощи ЛГБТ, чтобы спросить, а сколько всего этих изделий, а их всего пять штук. Это не помощь. Но покупатели ставят галочку: хорошая марка, вроде кому-то помогает. Недавно я очень сильно разочаровался в одном бренде, который выпустил продукцию с символикой протестов в Беларуси и объявил об отчислении 10% в фонд помощи пострадавшим на митингах. Это в чистом виде паразитирование на актуальной повестке.

Наталья: Одна недавняя благотворительная история лично меня сильно взволновала. В конце февраля — начале марта, когда Америка уже была закрыта на карантин, а Европа еще не очень, в Нью-Йорке прошла акция, которую запустила девушка, занимающаяся ювелирным пиаром. Она объединила триста маленьких брендов, и те отчисляли по 10% от продаж в фонд помощи детям из малоимущих семей, которые из-за закрытых школ остались без обедов. Вокруг этой инициативы поднялась информационная волна, и огромное количество людей, которым была не нужна ювелирка, купили украшения, а также перечислили деньги напрямую в фонд.

Михаил: Это классная история, может быть, у них получилось собрать какие-то реальные деньги. Такая помощь важна. Я же говорю про мнимую благотворительность, невозможную на маленьких оборотах одного бренда. Ты видела, чтобы у нас в стране хотя бы двадцать дизайнеров объединились вокруг чего-то с целью помочь? Мне кажется, здесь такого не бывает.

Наталья: Да, это не российская история. У меня было несколько попыток объединить тонущие ювелирные марки, чтобы вместе они создали некую силу. Безуспешно. Но мы

же понимаем, что и в Америке люди покупали эти украшения независимых дизайнеров не потому, что им срочно понадобились украшения (хотя и этот феномен проявился в период карантина), а потому что была эта социально-благотворительная надстройка. Я не согласна, что благотворительность должна быть анонимной, потому что как потребитель хочу знать, что еще стоит за продуктом, который я покупаю. Когда я выбираю маленькие локальные бренды, я готова платить больше, если знаю, как производят, допустим, эту красивую пижаму, и понимаю что-то про идеологию и принципы тех, кто за этим брендом стоит.

Михаил: Если ты занимаешься дизайном, то пытаться добавлять к нему свою социальную активность мне кажется бесчестным. Ты ставишь перед потребителем очень неприятный этический вопрос, когда надо выбирать не между двумя похожими красивыми вещами, а между тем, поддерживаешь ты какую-то позицию или нет. Когда решающий фактор, это прикрепленный ярлык, что вещь делают хорошие люди, это немного странно.

Наталья: Мне кажется, абсолютно самостоятельный дизайн сегодня такая редкая вещь, что, выбирая между двумя похожими вещами, по-хорошему ты покупаешь у людей, которые тебе нравятся и чьи идеи, которые они так или иначе транслируют, тебе близки. То есть работают сторителлинг и некое репутационное поле.

Михаил: В таком случае, хорошо, что все меньше и меньше людей ассоциируют меня с моим брендом, потому что я человек, у многих вызывающий изжогу. Я честно говорю то, что я думаю, даже если это кому-то не нравится, не хочу быть удобным. Я уверен, что лучше, что ты можешь дать в творческой сфере, — это качественный продукт твоей интеллектуальной работы. И если он действительно хороший, то к нему не нужно приставлять костыли выдающейся филантропии и острой социальной ответственности.

Наталья: То есть те, кто громко заявляет о своей социальной позиции, расписываются в слабости своего продукта?

Михаил: Понятно, что бывают люди, которые свято во что-то верят и продвигают это везде, с этим я могу согласиться. Могу сказать про себя: я не имею права манипулировать людьми, которые приходят ко мне за украшениями. Дрис ван Нотен нигде не высказывается, что его работа позволяет существовать целой индийской деревне, которая поставляет ему ткани, это никогда не было частью риторики бренда.

Наталья: Так же, как и то, что Chanel поддерживает льежские мануфактуры, не является частью их публичной риторики. Моя дочь стала недавно членом фонда защиты дикой природы

Если ты молчишь о проблеме, то это означает не нейтральную позицию, а острый негатив.

и получила от WWF значок, который делает компания Tiffany — и у них на эту тему нет ни одного пресс-релиза. Новая этика не упирается только в манипуляции, она гораздо шире. Она вообще про то, что бренды начали говорить о чем-то, кроме своих изделий. Более того, как маркетолог я вижу, что брендов, которые показывают только продукт, по большому счету почти не осталось. Да и сам покупатель истерически хочет узнать, что находится по другую сторону продукта, получить эмоциональную связь, узнать о том, какие люди стоят за его созданием.

Михаил: Когда за продуктом стоит не просто сухой расчет, а некая страсть, тебе хочется тоже разделить ее, грубо говоря, получить часть этого энергетического поля, но при чем здесь этика? Как только мы говорим об этике, мы подразумеваем эмоционально кастрированный продукт. Я бы сказал, гомогенизированный, потому что как только ты делаешь что-то чуть более острое, то тут же задеваешь чьи-то права или чувства — и это нормально. Талантливые вещи должны чем-то раздражать. Возможно, это в меньшей степени касается моды, а в большей кино — но перекосы есть и там, и там.

Наталья: Я верю, что правду все равно покажет рынок: люди будут голосовать рублем. В конце 2018 года у профильного издания Business Of Fashion был текст про то, что миллениалы много говорят про sustainability, но все равно покупают Zara, потому что это дешево. Самое смешное, что показывать лояльность самым этичным брендам можно до бесконечности, но покупать будут там, где есть сочетание «цена—качество».

Михаил: Тех, кто может позволить себе sustainability, можно по пальцам пересчитать, и это почти всегда формат ателье или боттеги, где трудится пятнадцать человек. Там, где главной целью является зарабатывание денег, не стоит никакого вопроса об экологической ответственности или творческой самореализации. Самое страшное, что многие заходят в сферу фэшна, думая, что можно заработать денег, ничего особо не вкладывая. И оказываются правы: манипулируя людьми и их потребностями, действительно можно легко заработать. Общество решило легализовать манипуляцию как один из основных маркетинговых инструментов. И по большому счету все «этические» продукты движутся вокруг этого. А тех, кто действительно вкладывает этот смысл в свою работу, никто не знает просто потому, что они существуют в другой парадигме и в прессу никогда не попадут.

Наталья: Владелец петербургского бренда одежды 31gate Денис Шевченко

во время самоизоляции написал в соцсетях, что у них в команде двести швей, которых он должен обеспечить зарплатой или уволить, объявил распродажу и сам лично проводил ее в шоуруме. Вся коллекция была выкуплена. Манипуляция ли это? Несомненно. Высказавшись о своей нужде, он простимулировал купить ненужные на тот момент вещи. Так работают эмоциональная привязанность и спасательство.

Михаил: От меня тоже зависят сотрудники — и с точки зрения руководителя это достаточно смелый шаг, мне он скорее симпатичен. Мне кажется, манипуляции и открытый диалог с покупателем — две большие разницы. Поддержка локального бренда — это не про благотворительность или этику, а про выживание и желание иметь этот локальный продукт в будущем.

Наталья: А мне кажется, что это взаимосвязано, потому что человек не привык воспринимать вклад в чужой бизнес как свою ответственность. Когда ты объявляешь о том, что, покупая твой свитер, человек поддерживает монгольское село, коз и их экологичный способ вычесывания, это формирует определенный образ мышления. Если рассматривать чистые отношения «клиент—бизнес», то они таковы: «Я работаю на своей работе, вы — на своей. Когда мне нужно, я приду и куплю. Как выглядят ваши условия труда, меня не волнует, мы находимся в рамках протестантской трудовой этики, я не несу ответственность за то, за что отвечаете вы». Теперь же бизнес-отношения перешли в формат взаимной ответственности за все на свете.

Михаил: Я не верю, что люди, которые приходят на этические вбросы, их осмысливают. Это работает на эго, чтобы ты почувствовал себя хорошим здесь и сейчас. А выход со словами «мы сейчас загнемся» — другая история. Креативный класс очень сильно

изменился: люди с реальными деньгами и головой на плечах не будут вестись на социальное фуфло, ну по крайней мере, мне хочется в это верить. Я сужу по тем покупателям, которые обращались к нам во время пандемии. Я спрашивал, что побуждает их покупать предметы люкса в локдаун, а они отвечали, что вместо похода к большому люксу им хотелось свои деньги принести нам. И это вопрос не только их социальной ответственности и поддержки локальных брендов, сколько того, что они хотят получать реально эксклюзивные вещи в будущем. Выросло поколение, которое отлично понимает, что такое классный дизайн и штучное ручное производство. Именно поэтому мне кажется, что новая этика — простой и агрессивный механизм, способный выкачать максимальное количество денег из не самой разборчивой аудитории.

Наталья: Когда я рассказываю студентам про расширение бренда, то объясняю, что клиент может быть не готов говорить о социалке или политике. И только если вы реально вписываетесь за идею и готовы терпеть убытки, то вписывайтесь. Но если делать это потому, что модно, ничего хорошего никогда не получится.

Михаил: Появился социальный норматив, который должен быть сдан каждым брендом, потому что сегодня, не разделяя какие-то социальные ценности, ты автоматически противопоставляешь себя обществу.

Наталья: Даже так: если ты молчишь, то это означает не нейтральную позицию, а острый негатив.

Михаил: На самом деле, страшно и больно понимать, насколько все эти нормативы вымученные.

Наталья: Но я уверена, что истина за дизайном и технологиями, а не за социальной надстройкой. И у меня есть надежда, что мы скоро снова начнем разговаривать о продукте.

Михаил: Прозвучит ужасно, но мне гораздо проще не делать ничего, чем делать что-то с оглядкой на социальные функции. Мне нравятся дизайн, камни, одежда — и я готов всем этим заниматься, но не стараться засунуть в это смысл, которого там быть не должно. Я не социолог, я человек, который делает красивые вещи: они важны для меня, я их люблю. Меня многое волнует, но мои убеждения не имеют никакого отношения к модному бизнесу. Личное — это личное, бизнес — это бизнес. С чего ты решил, что ты имеешь моральное право нагружать людей, когда они пришли расслабиться? Это бесцеремонное вторжение в чужое информационное поле. Ходить и стараться надеть на всех свое белое пальто — вообще желание нездоровое. Поэтому новой этике я верю приблизительно как уверениям продавцов телемагазина.

О ВОЗМОЖНЫХ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯХ ПРОКОНСУЛЬТИРУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

РЕКЛАМА

ОБЩЕЕ
РЕЛАКС

60 мин.

1290 руб.

ОБЩЕЕ
КЛАССИКА

60 мин.

1290 руб.

АНТИЦЕЛ

60 мин.

1390 руб.

ОБЩЕЕ
СПОРТ

60 мин.

1290 руб.

ОБЩЕЕ
РЕЛАКС +

90 мин.

1900 руб.

ОБЩЕЕ
ФИРМЕННЫЙ

70 мин.

1490 руб.

ЛЮБОЙ
ПЕРВЫЙ РАЗ

60 мин.

990 руб.

СПИНА
КЛАССИКА

30 мин.

690 руб.

ЗАСТАВЛЯЕМ СМЕЯТЬСЯ ОТ БОЛИ
И ПЛАКАТЬ ОТ СЧАСТЬЯ

Белгород, Гражданский проспект, 25
8 (915) 578-03-37

МАССАЖ
ДЕТСКИЙ

40 мин.

690 руб.

В 4 РУКИ
SPACE ROOM

60 мин.

2400 руб.

Платье The Row, брюки Balenciaga, обувь #oldceline — собственность героини, кольцо Mercury

О К С А Н А П О Н О М А Р Е В А

Текст: КСЕНИЯ ГОЩИЦКАЯ
Фото: АБДУЛА АРТУЕВ

В ИНСТАГРАМ-МАГАЗИН KOMISSTORE01 ХУДОЖНИЦЫ ОКСАНЫ ПОНОМАРЕВОЙ ОТПРАВЛЯЮТСЯ ЗА ЕЕ ЛАКОНИЧНЫМ СТИЛЕМ «КАК В УКРАИНСКОМ ВОГЕ» — МУЗА ТЕНДЕНЦИИ REWEARING ОТМЕНИЛА СЕЗОНЫ И СДЕЛАЛА ИДЕЮ РЕСЕЙЛА МОДНОЙ СРЕДИ БУРЖУАЗИИ. ТАК И ЗАПИШИТЕ: ТЕПЕРЬ НОСИТЬ ВЕЩИ ИЗ ПРОШЛЫХ КОЛЛЕКЦИЙ — ПОВОД ДЛЯ ГОРДОСТИ.

ВАШ @KOMISSTORE01 ИЗМЕНИЛ ПРАВИЛА ПЕРЕПРОДАЖИ БРЕНДОВЫХ ВЕЩЕЙ: ЭТО БОЛЬШЕ НЕ БЕЗЫМЯННЫЙ МАГАЗИН, КУДА ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ ФЭШИОНИСТА НЕСУТ СВОИ ВЕЩИ «НА РЕАЛИЗАЦИЮ», А ПЕРВЫЙ ИМЕННОЙ РЕСЕЙЛ-АККАУНТ, В КОТОРЫЙ ОБРАЩАЮТСЯ КОНКРЕТНО ЗА ВАШИМ СТИЛЕМ.

Да, я даже называю его «мой концепт-стор»! И в нем не только мои личные вещи, но и подборка от близких подруг. Но все проходит мою модерацию — я отсеиваю более тридцати процентов, остается то, что отражает мой стиль или может стать ключевой деталью в образе. Мне хочется, чтобы на страницу магазина заходили с конкретным визуальным запросом.

ВЫ ЖЕ ПРИДУМАЛИ ЕГО НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАРАБОТАТЬ?

Нет! Более того, у меня все значительно дешевле, чем на других ресейл-платформах. Разве что на «горячие пирожки» вроде редких вещей или тех, что до сих пор продаются в бутиках без скидок, может быть цена повыше. От чужих продаж беру пятнадцать процентов. Мой муж считает, что я что-то неправильно делаю — какой же, говорит, это бизнес, если практически новые предметы распродаются за треть цены. Но я не верю в то, что одежда или украшения могут быть инвестицией. У меня нет вещей, которые представляли бы коллекционный интерес, могли бы попасть на аукцион и расти в стоимости. Поэтому я считаю так: не носишь вещь два-три сезона — дари или продавай. Для меня и в этом, в частности, заключается идея осознанного потребления. Вещи не должны лежать, они должны служить человеку. Я и сама больше не делаю спонтанных покупок, могу за сезон вообще обновить только одну футболку, но это будет футболка The Row. Парадокс в том, что с вдумчивым подходом я стала тратить больше, чем когда покупала все подряд у разных брендов понемногу каждый сезон.

ЧТО ЖЕ ПОПАДАЕТ НА ВАШ РЕСЕЙЛ?

Во-первых, то, что не хочет носить моя дочь, а она не хочет многое. У нее и ее сверстников вообще нет пиетета перед брендами. Мне в ее годы нужно было и то, и это, а они вообще в другой парадигме живут. Во-вторых, дорогие вещи: я — мать-тиран и не балую детей, в их возрасте предметы роскоши ни к чему.

главное | ресейл

ЕСТЬ ЧТО-ТО, С ЧЕМ ВЫ НИ ЗА ЧТО НЕ РАССТАНЕТЕСЬ?

Нет! Раньше у меня был пюнктик на #oldceline. Когда Фиби Файло объявила о своем уходе из Celine, я многое искала на ресейлах. С иностранных сайтов, кстати, не покупаю — оформление сложное и продавцы недоверчивые. Почти все нашла в России. Теперь есть ощущение, что я переросла этот стиль, мне он кажется тяжелым для носки, слишком узнаваемым. Вот The Row могу приобрести хоть десятилетней давности: никто никогда не догадается, что это не последний сезон. Этот бренд — пример вдумчивого подхода к консьюмеризму, при всей классичности он остается суперактуальным. Собственно, потому, что сам формирует тренды: почти все, что сейчас в топе, — это чуть переосмысленный дизайн The Row пятилетней давности.

НА ПРОФИЛЬНЫХ САЙТАХ О МОДЕ ВО ВСЮ ОБСУЖДАЮТ ИДЕЮ REWEARING — В ЭТОМ ГОДУ НА КРАСНЫЕ ДОРОЖКИ ФЕСТИВАЛЕЙ, В КАКОМ ФОРМАТЕ ОНИ БЫ НИ ПРОХОДИЛИ, ЗВЕЗДЫ ВЫБРАЛИ ЛИБО ВИНТАЖНЫЕ (ЗАЧАСТУЮ КУТЮРНЫЕ) ПЛАТЬЯ, ЛИБО ЛУКИ, КОТОРЫЕ УЖЕ ВЫГУЛИВАЛИ НА RED CARPET. ПОМОЕМУ, ВАШ СТИЛЬ МОЖНО БЫЛО БЫ НАЗВАТЬ КВИНТЭССЕНЦИЕЙ REWEARING.

Да! И меня, если честно, удивляет, что этому уделяют столько внимания. Я убеждена: кутюр обязательно нужно вытаскивать из шкафов и носить — на эти платья потрачено столько времени и труда не для того, чтобы их надели один раз. Я всерьез думаю сейчас перешить несколько платьев в пол от Valentino, чуть изменить рукав и укоротить до коктейльных — так что это не просто reweaving, но еще и апсайкл! (Смеется.) Не буду скрывать, еще несколько лет назад я ходила на показы сезонного шоу ЦУМа в вещах такой новизны, что их еще и в продаже не было. Но все очень изменилось. И я не вижу проблемы в том, чтобы выйти на серьезное мероприятие с дресс-кодом в чем-то «ношеном». Может, у меня больше нет никакой неуверенности в себе. Когда ты приходишь к самодостаточности, то вообще перестаешь думать об одежде иначе, чем о функции. Мне кажется, очень элегантно быть не в чем-то новом, а в чем-то оригинальном: например, появиться в кимоно и с вязаной сумочкой.

А В ВИНТАЖНОМ?

Обожаю винтажные рынки! Могу по парижскому ходить три дня, обязательно что-то куплю и не буду носить. А потом подарю кому-нибудь. В Тоскане, где мы живем летом, по воскресеньям устраивают барахолки, на которые со всех концов страны привозят ремесленные изделия, бренды тоже попадают. Но меня интересуют вышивки, лен, муслин — я себе весь итальянский гардероб там покупаю, и он классный!

ВЫ, КСТАТИ, НЕ ДУМАЛИ СТАТЬ СТИЛИСТОМ?

Это так сложно! Я очень привередливая. Однажды меня попросили стилизовать съемку, но я нигде не нашла луков, которые бы меня устроили, и в итоге принесла все свое. Я строго слеую стилю, который чувствую.

НЕУЖЕЛИ НЕ ПРИХОДЯТ ПОДРУГИ: «ОКСАНА, ПОМОГИ С ГАРДЕРОБОМ!»?

Мне пишут запросы в директ, и иногда я выступаю как персональный стилист, но не афиширую это. К тому же всем хочется, чтобы

КУТЮР ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНО ВЫТАСКИВАТЬ ИЗ ШКАФОВ И НОСИТЬ.

Майка The Row, джинсы Citizens Of Humanity — собственность героини, кулон TOUS

ОДЕЖДА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИНВЕСТИЦИЕЙ — НЕ НОСИШЬ ВЕШЬ ДВА-ТРИ СЕЗОНА — ДАРИ ИЛИ ПРОДАВАЙ.

о окружающие не догадывались, что им со стилем кто-то помог. Научить этому невозможно, это своеобразный талант: видеть и понимать, как сочетаются фактуры, цвета и пропорции.

ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ ЛЮДЯМ ХОРОШО: ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ ОСНОВОЙ ОСНОВ ГАРДЕРОБА?

Костюмы! У меня они сдержанных оттенков, я их называю «интерьерными», в такие цвета обычно стены красят, чтобы не раздражали. (Смеется.) Глубокий синий, бежевый, винный, черный, серый — все это идеальные варианты. Затем свитера простого кроя, так сказать, «без перламутровых пуговиц». Джинсы и платья. Я не люблю узкую одежду, могу спокойно носить L, XL — на маркировки я вообще не смотрю, ориентируюсь только на то, как вещь сидит. Но я заметила, что многие дико привязаны к системе размеров, я знаю девушек, которые при 42-м размере ни за что не купят одежду, где написано 44.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МОМЕНТ?

Да, неуверенность в себе, желание соответствовать некому стандарту. Со мной раньше тоже такое было. Я заказывала #oldceline — сразу после показа марки выбирала луки в бутике — и всегда отмечала: «Исключительно 34-й». Отказ от точных размеров, на мой взгляд, один из больших сдвигов, которые происходят в моде. Как и отказ от высоких каблуков, например. Гардероб стремится к универсальности и комфорту. Это он существует для меня, а не я для него. Комфорт перестал выглядеть как бабушка-фэшн и ортопедические стельки — теперь даже ультрамодные бренды, в первую очередь, должны быть удобными.

ЧТО ЖЕ НЕПРЕМЕННО НУЖНО КУПИТЬ ИЗ НОВОГО СЕЗОНА?

Если очень надо, то большую удобную сумку, пальто-оверсайз подходящего именно вам силуэта и прямые или широкие кожаные брюки, чтобы носить их с кедами и лоферами. Все точно наденут пуховики-вафли как у Bottega Veneta и Jil Sander, такие стеганные крупными квадратами. А я — нет! Буду донашивать свои старые вещи.

ЧТО, ПО-ВАШЕМУ, ТАБУ В ОДЕЖДЕ?

Заметные логотипы!

НА КОГО ИЗ ЛОКАЛЬНЫХ ДИЗАЙНЕРОВ СТОИТ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ?

Мне очень нравится, что местные марки развиваются. Но пока страдает качество: мне присылают много, но я могу рекомендовать

от силы пять процентов. Мой любимый русский бренд — Bazilika: простые кашемировые свитера, трикотажные платья, шелковые сорочки, пальто. Kalmanovich — беспроегршный вечерний вариант на классную тусовку. Azi Land — балетки ручной работы и изящная домашняя одежда. Из петербургских брендов люблю Nomies, они делают великолепные домашние тапочки из перчаточной кожи, и Artskill Store, который специализируется на качественных несессерах и боксах для хранения правильной для меня эстетики.

КСТАТИ, А ПОНИМАНИЕ ЭТОЙ ЭСТЕТИКИ КАК К ВАМ ПРИШЛО?

Я так вижу с детства. Сколько себя помню, все время шила что-то по своим эскизам у нашей соседки, маминой подруги. Лет до двадцати почти весь мой гардероб состоял из хендмейд-вещей. И эти приемы я узнаю сейчас у Jacquemus — весь этот трикотаж, тесемочки, переплетения на спине — это прямо то, что я носила.

ЧТО-ТО СОХРАНИЛОСЬ? ЭТО ЖЕ НАСТОЯЩИЙ SLOW FASHION!

Надо спросить у мамы! С учетом того что у меня не изменились ни фигура, ни вес — это может быть интересный эксперимент.

СОБСТВЕННЫЙ БРЕНД ЗАПУСТИТЬ НЕ ПЛАНИРУЕТЕ?

Нет, все и так слишком перенасыщено вещами. Для меня самое важное — качество. А сделать вещь доступной по цене у меня не получится: стоимость ткани, зарплата хорошего конструктора, цена производства. Я считала: хорошие брюки будут стоить тысячу пятьдесят, за эти деньги русский человек пойдет покупать Celine или Gucci, а не русского ремесленника. Пока у нас все еще нет этой гордости за локальное и понимания ценности, как у скандинавов, например. Так что я эту идею забросила, может, как-нибудь потом. Меня пугает локальный мусорный поток плохо сшитых худи с шортиками разных цветов. Мне кажется, это надо останавливать на государственном уровне. Отдельный вопрос, кто это покупает и зачем? Неужели не хватает масс-маркета? Меня эта тенденция корбит.

ЛЮБОВЬ К ЛАКОНИЧНОСТИ ЭКСТРАПОЛИРУЕТСЯ ДАЛЬШЕ ВАШЕГО ГАРДЕРОБА?

Кстати, нет! Мой дом — это бархаты на шелках, гравировки, китайская роспись и коллекция керамики — от Древнего Китая до современных скульптур. Может, некоторая компенсация. Зато я придерживаюсь минимализма в еде — для меня в блюде не может быть больше трех ингредиентов.

С МУЖЕМ ВЫ ЯВЛЯЕТЕ МИНИМАЛИСТИЧНУЮ ПАРУ?

Нет, он как раз любит клеточку, полосочку, яркое. Мужскую коллекцию The Row он счел крайне скучной и мрачной, как униформа. Главное, что ему нравится все, что на мне, — я не слышала ни одного комментария из серии: «Что ты надела?!» Единственное, бывает горестный вздох: «Это твоя сто пятьдесят восьмая сумка?» Нет! Потому что теперь я отправляю их на ресейл!

Tom Ford

Color
MERCURY

Шри-ланкийский синий сапфир в 39,27 карата (на помолвочном кольце герцогини Кембриджской камень втрое скромнее) не подвергался процедурам облагораживания. При таком весе и поддержке дюжины овальных бриллиантов это излишества.

David Koma

David Koma

КВАПРОЧЕНО
Средневековые совсем не страдало, и мы не станем: непрозрачные камни и богатый обвес снова на пике!

Tom Ford

Petit foli
PASQUALE
BRUNI

Немного ранней готики от жизнелюбивого итальянского бренда: ониксовый цветок распустился на серьгах-пуссетах из розового золота — и просится в парюру к черному кольцу Серсеи.

Liada или Andromeda
KONSTANTINO

В узоре выкованных из серебра королевских лилий возлежит внушительный малахитовый душет.

Cascata

GISMONDI

Серьги с двумя десятками крупных рубинов выглядят (и весят) настолько внушительно, что заставят держать царственную осанку.

Big Bang
Millennial Pink

HUBLOT

Часы из инновационного анодированного алюминия разработаны Hublot вместе с главой тюнинг-ателье Garage Italia Лапо Элканным. Главный денди Италии выбрал для двухсот хронографов лимитированной серии пастельно-розовый цвет — агендерный, как и 42-миллиметровый диаметр.

Chanel

Bottega Veneta

Happy Sport
CHOPARD

Трехстрелочник из стали и розового золота дает балет без антракта: по 36-миллиметровой зеленой сцене от каждого движения руки порхают в па-даксон пять свободных бриллиантов.

JW Anderson

ЗАВЕРШЕЛОСЬ
Приглушенные цвета и танцующие циферблаты — собираем феноменальный часовой урожай осени.

Fendi

DEFY 21
Land Rover Edition

ZENITH

Союз обновленных Land Rover Defender и высокочастотного механизма El Primero дал жизнь ограниченному тиражу 250 интригующе матовых хронографов из титана в пескоструйной обработке с — впервые! — линейным индикатором запаса хода.

Bottega Veneta

True Thinline
Anima

RADO

Под напором швейцарских химиков высокотехнологичная керамика сдала очередной бастион — и впервые приняла матовый оливковый оттенок. Причем с легким сердцем: механизм потерял в весе за счет мостов и платины из алюминия и скелетонированного календарного диска.

UR-100 C-3PO
URWERK

Вырезанный (всего для 25 ценителей!) из блока желтого золота сверхплоский корпус оберегает сложноустроенный часовой мозг. Время здесь указывают три беспрерывно крутящихся сателлита, а красная стрелка перескакивает с минутной шкалы на счетчик скорости вращения Земли вокруг Солнца.